

**С.В. Туник
О.А. Чурочкін**

АНАТОЛІЙ МЕЛЕС У СПОГАДАХ ГАВРИІЛА ДОБРИНІНА

Увазі читача пропонується маловідоме джерело – спогади Гавриїла Добриніна (келійника севського єпископа Кирила Флорінського) про архимандрита Глухівського Петропавлівського монастиря у 1772-1775 рр. Анатолія Мелеса.

Ключові слова: Анатолій Мелес, Гавриїл Добринін, Кирил Флорінський, Глухівський Петропавлівський монастир.

Анатолій Мелес – достатньо відома постать в церковній історії, людина непересічної долі; в його діяльності багато суперечливого. Народився він у Золотоноші на Переяславщині, походив за одними даними з греків, що поселилися на Україні, за іншими – був українцем. Ще в молодих літах, покинувши Російську імперію, рушив до Польщі і Волощини, де став монахом, а пізніше – ієромонахом. У 1749 р. опинився на Афоні, який тоді знаходився під владою Османської імперії.

Згодом він повернувся до Росії збирати пожертвування для Константинопольської патріархії. Ця місія пожертв виявилась успішною: Синод пожертвував 1120 рублів, імператриця Єлизавета Петрівна – 3000 рублів та ще 1000 рублів особисто Мелесу, крім того, йому було дозволено збирати милостиню по всій Росії протягом трьох років. Яка була зібрана сума – наразі невідомо.

1754 р. Мелес повернувся до Туреччини. Судячи з усього, гроші, зібрані в Росії, зіграли свою роль, бо наступного року Константинопольський патріарх Кирил призначив його єпископом «запустілої з давніх літ Мелетинської єпархії» (правильно – Мілетської). Однак через протести місцевих архієреїв він покидає Туреччину і знову приїздить до Росії, а через деякий час опиняється на Запоріжжі, де без відповідного дозволу стає єпископом. За таке самоуправство він був викликаний до Святішого Синоду в Санкт-Петербург, де його позбавили архієрейського сану та ієромонашества і заслали рядовим монахом до одного з монастирів у Сибір, в Тобольську єпархію, а згодом перевели до Нижегородської єпархії.

Катерина II, посівши престол у 1762 році і керуючись деякими політичними міркуваннями, звільнила Мелеса із заслання: «Сей муж нужен моей службе». 1769 р. його визвали до Санкт-Петербурга, поновили у званні ієромонаха та направили на флот до графа Орлова-Чесменського у Середземне море, де в цей час розгортались основні події російсько-турецької війни. Місія Мелеса звелася до агітації серед православного населення Османської імперії. Через деякий час Синод, зважаючи на заслуги Анатолія, визнав за ним єпископський сан і дозволив відправляти архієрейське священослужіння [10].

У 1772 р. розпорядженням Катерини II Анатолій Мелес отримав в управління Глухівський Петропавлівський монастир. Відчуваючи підтримку високих покровителів, він почав зловживати настоятельською владою. Зокрема, змушував монахів «для оздоровлення душі й тіла» займатися фізичними вправами (біг, гребля на човнах тощо). Тут він жив, як свідчать деякі дослідники, «...в крайнем безобразии – ходил раздетый, в одном халате, босой и с непокрытой головой, в церкви не бывал никогда, бил монахов, пьянствовал и палил из мортир» [1, 31].

Про Анатолія Мелеса писали дореволюційні історики Д. Яворницький [2, 217-218, 223] та О. Левицький [3], у наш час його життя і діяльність досліджують І. Лиман [4], Л. Сухих [5]. Однак усі зазначені автори головну увагу приділяють діяльності Мелеса на Запоріжжі, а останні роки його життя, пов'язані з Глухівським Петропавлівським монастирем, по суті залишилися поза увагою. Відтак вважаємо за доцільне звернутися до одного забутого джерела. Мова йде про «Истинное повествование или жизнь Гавриила Добрынина, им самим писанная в Могилеве и Витебске». Автор твору – Гавриїл Іванович Добринін (1752-1823), келійник севського єпископа Кирила Флорінського, може по праву вважатися одним із кращих письменників-мемуаристів кінця XVIII – початку XIX ст. Оповідь Добриніна – це яскраво і колоритно подані епізоди із життя духовенства, провінційних поміщиків і чиновників, і в цьому плані вона є неоціненним історичним джерелом. Вперше вона була опублікована в «Русской старине» (1871), а незабаром було здійснено два видання окремою книгою (1871, 1872).

У спогадах Добриніна серед іншого мова йде і про поїздку севського єпископа Кирила Флорінського та його келійника Гавриїла Добриніна до поміщика Сафонова у с. Терни Путивльського повіту (1774 р.). По дорозі заїхали до Глухівського Петропавлівського (де й відбулася перша зустріч з Мелесом) та Путивльського Молчанського монастирів. На зворотному шляху знову завітали до цих монастирів, а потім наші «герої» поїхали до Глухова.

Нижче подається уривок із зазначеного твору:

«На пути заехали в Глуховской Петропавловской монастырь, в котором пребывающий на пенсии и управляющий монастырем епископ Анатолій Мелес в почестъ гостю приказал звонить в колокола и палить из можжир (мортир), а сам встретил его на крыльце, в китайчетом халате цвета вороньяго крыла, с непокровенною главою и босиком. Он прежде всего изъяснялся, что хотя он и монах, но священнодействию в прошедшую против турок войну на хребтах корабельных, привык к пороху и пушечному грому. Гость ответствовал: «Я был в

Париже при после, куда военные громы не досягали, так у меня в доме нет ни пушек, ни можжиров». После сего вояжиры наши пошли в покои к обеденному столу. Мой архиерей также разделся, однакож не разувался. На другой день распрощались и мы выехали в Путивль. В Путивльском Молчанском монастыре переночевав у доброго хозяина игумена Мануила Левицкого, взяли и его с собою в Терны, куда и прибыли под вечер.

Новой молодой владыка Тернов с деревнями, встретил преосвященного перед слободою в карете. Он был лет 22-х, роста средняго, круглолиц, полон, был, нежен, хорош собою и жирен. Екипажи наши поставлены на гостинном дворе, и комнаты для архиерея и всего штата отведены там же. После хорошаго ужина легли спать, и надеялись, что завтра для нас будет еще лучше.

Возставше от одра и сна, увидел я, что в господском доме теже были люди и вещи, которых я видел и при отце, но не было никого и ничего на своем месте, и все казалось без души. После чаев и кофиев молодой барин посетил архиерея, и походя оба кое-где, пошли в большие покои, где стол накрывали. Я старался что-нибудь услышать от молодого Сафонова, но из него ни ползло, ни лезло. Смотри на него, по наружности он должен быть Аполлон белокурый, но по внутренности вселился в него Момус, кроме Момусова остроумия.

Когда пришло время садиться за обеденный стол, хозяин наш оказался пьян, аки второй Касагов. Будучи в сем счастливом состоянии, схватил в другой горнице крепостную свою певицу за руку и тащил ее к столу. Игумен Путивльский Мануил Левицкий, будучи ему близко знаком, и бывши отцу его хороший приятель, подскока вырвал ее у него, и пхнул обратно в ту же горницу, из которой она вытащена, а его двинул в ту, где сидел архиерей с другими, и сказал ему: «Кушанье на столе». Сели за стол, всего было преизбыточно. Сей прочнаго заведения столовой части, сын не успел еще разрушить.

Музыканты потащились к оркестру: иной ладил свой инструмент, иной его клал, иной губы развезя зевал, а певицы все смеялись. Стали играть. Сколько играли, столько и ошибались, или не радели, на лицах написано было безпутство.

Все в доме доказывало, что нет уже отца, господина и хозяина. Среди угощенья и музыки никогда во мне уныние столько не действовало, как при воспоминании порядочнаго отца, который, без сомнения, не желал, чтобы наследник разрушил все его насаждения.

После обеда, уже под вечер, архиерей подошедши к оркестру, и будучи насыщен земных благ, крикнул: «играйте». Капельмейстер, – крепостной человек и муж сказанной певицы и барской любовницы, – крикнул: «Не слушай». Все музыканты и певицы

пришли в замешательство. Сюда же примкнулись, со стороны архиерея, ряды певчих, протодиакон, игумен и я. Все начали говорить кто как хотел, и поднялся шум. Насыщенный с гостями хозяин, чтоб не быть праздным лицом, пробился сквозь толпу, схватил архиерея за крыло клобука и крикнул во всю мочь: «Собак!».

Архиерей, не дожидаясь, чтоб его затравили, скокнул со всех ног в квартиру со всем клиром, проповедуя на бегу: «Аще гонят вы – вас – во град, бегайте в другой, и прах прилепший от ног отрясая». А я вслед приговаривал: «Стопы моя направи по словеси твоему». Капитан же, хозяин, удовольствовавшись тем, что одержал храбро плац, предпровожден с капельмейстершею в триумфе целым аркестром до самой спальни. О сем последнем тогда же повествовали его домослужители, которые всегда бывают самые верные повествователи.

Мы ночевали не в Сафонова доме, но у протопопы той же слободы. По утру послан был нарочной за архиерейскою тростью, которую вчера схватить не успели. Посыланной возвратившись донес, что хозяин встретился с ним нечаянно в дверях залы, в рубашке, без всего и туфлей. В сей позиции спросил о здоровье преосвященного, и услыша, что преосвященный отъезжает, вскричал в удивлении: – Ах! Я думал он будет у меня обедать; карету! штаны! мыться! гнать!».

Архиерей, желая чтоб за ним гонялись, выехал как можно скорее. На побег завидя погоню, сделанную в почесть ему, приказал скорее гнать. Мы – в деревню, Сафонов тут. Архиерей в крестьянскую избу, Сафонов на двор. Его не пускают к архиерею, он просится, и уверяет, что он трезв, что при нем нет ни капельмейстера, ни капельмейстерши, ни собак, и что он гонится как тень за телом, без котораго жить не может. Будучи допущен, добился прощения, закрывши лицо платком, дабы показать, что прощение его было слезное. Архиерей тому поверил. Капитан был с запасом, а и у нас не без онаго. Начали мирный трактат поливать. Побранились. Сафонов закричал: «Собак!». Архиерей ускакал вперед, а хозяин не был столько плох, чтоб в другой раз гнаться за таким епископом, которой не мастер прощать.

Бедный Сафонов, провождая жизнь пьяною и безпутною, вскоре после отъезда преосвященного женился и вскоре умер. Преосвященный не имел причины жалеть, что съездил и похоронил покойника, потому что тесть его из его имени наградил за все издержки, и даже за то, чтобы преосвященный покойника простил и разрешил от тех грехов, когда он хотел преосвященнаго собаками травить.

В Путивльском монастыре у Мануила нашего только-что переночевали. Выехав, поспели к обеду в постороенный в лесу, на прекрасном возвышенном месте Петропавловский Глуховский [монастырь] к

ожидавшего уже нашего сухопутного, – морскому епископу Анатолию Мелесу. Он принял гостя со всеми прежними обрядами и с прибавлением к оным, что во весь вечер и во всю ночь палили из можжиров и звонили в колокола. Оба архиерея с игумном и прочими, всю летнюю приятную ночь ходили по монастырю и около церкви с фонарями, а по утру очень рано взлезли на колокольню и звонили с прочими наряды. Я видя, что колоколов довольно, и любя по натуре колокольной звон, кликнув туда же несколько певчих и начали звонить пуще прежнего. Кому не доставало тянуть за веревку, тот бил по колоколу палкою. Словом мы подняли такой звон и пальбу, каковых без сомнения не было во дни святого Димитрия Ростовскаго, который будучи в сем монастыре игумном, построил каменную церковь среди монастыря, которая и поныне в совершенной крепости, с надписью в середине над аркою имени построившаго.

В самый разгар наших торжествований прибыла духовная комиссия по указу Святейшаго Синода, следовать и судить нашего хозяина, по доносу на него пречестнаго иеромонаха отца Антония, который в нашем же сословии пил, ел, звонил и палил, и котораго донос состоял в том, что архиерей Анатолий заключает монахов в тюрьму безвинно, бьет их палками, не ходит никогда в церковь, не одевается, всегда босиком, а только пьет да гуляет и палит из можжир, которые перелил из колоколов, снятых им с колокольни.

Комиссионеры Лубенскаго монастыря архимандрит Паисий, Густынскаго монастыря игумен Иосиф и письмоводитель поп Продьма привезли с собою запаснаго игумна, в качестве администратора, которому велели тотчас принять весь монастырь с доходами в свое наблюдение и распоряжение.

Наш Анатолий в один миг истрезвился, перестал палить, обулся в сапоги, умылся, расчесал волосы и бороду, оделся в рясу, покрылся клобуком, навесил панагию, намотал на руку янтарные четки. В таком виде он явился на другой день, очень рано, к моему архиерею и повалился ему в ноги, возглашая вместе с поклоном: «Наставниче! Спаси мя, погибаю! А сей ему в ответ: «Дурак! Почто усумнился еси? Меня велено судить за взятки, за грабежи церковные, за ... , да я не робею». Потом намаркировал ему ответы против доноса. Напоследок мы видя, что реформа монастырскаго правления нарушила наш порядок, отправились вперед! И приехали в Глухов. Комиссионеры остались в монастыре, и Анатолий – с нами.

В Глухове мы остановились у отца протопопа Корнилия Иезефовича. Земский судья Сергей Сидорович Дергун и коллежский советник Яков Павлович Козельский (Малороссийской коллегии

член) посетили нашего преосвященного, и увидя нечаянно Анатолия во всей форме, зная наперед, что он любил босоту, воскликнули: «Ах, ваше преосвященство! Как к вам это все пристало! ... Ну для чего бы вам всегда так-то не одеваться? Вы бы к нам пожаловали, а мы бы к вам когда приехали, и у нас бы было райское препровождение времени». Анатолий отвечал в постоянном виде: «А для чего ж вы не упредили мое дурачество вашим благим советом! Греки говорят: где проливается вино, там купаются слова, а мое может быть не одно и деяние искупалось в нем». Полковник Козельский был человек ученой и литератор; он сказал Анатолию: «Я, прочитав вашу речь, которую вы говорили пред государынею императрицею, и которую мне из Петербурга прислал приятель, всегда хранил почтение к вашим дарованиям».

Мне рассудилось эту речь поместить здесь. Мой архиерей получил ее от Козельскаго. Она у меня поныне уцелела и нашлась между бумагами. После я ее видел уже и в печати:

Речь, говоренная епископом Анатолием, возвратившимся из Архипелага, 1772 г., октября 7 дня.

“Всемиловитейшая государыня!

Созерцая освященное лице вашего императорскаго величества, чувствую радость, коя ощущаема сердцем, неизреченна устами. Вижду предо мною все красоты мира, собранные воедино. Се то средоточие славы, которое на подобие солнца кажется недвижимо, но лучи свои по всему свету простирает. Се Екатерина! О! Кто мне даст витийство, соразмерное милостям, кои я приял и приемлю от руки монаршей. Кто устроит язык мой, да возглаголю слово царице, моей матери? Я сидел во тьме, и внезапно облиста мя свет велий. Узник стал свидетель чудес твоих на водах многих. Я зрел корабли твои между рассеянными по Архипелагу островами, на подобие островов колеблющиеся, и тысящами медных гортаний могущество твое морю и туркам возвещающие. Стоял на хребтах их, среди героев, священник, и счастием твоим осенял к победам твоих мореходцев. Мал в братии моей посреди церкви, на далеких берегах, громом имени твоего раздающихся, пел ты, и во храме сердца моего дондеже есмь пети не престану. Не умру несчастлив! Смерть закроет старцу очи, Екатериной славою насыщенные, славою и купно ея лицезрением. Се верх моего благополучия! Но что воздам блаженства и дыхания моего виновнице? Кроме единого желания: да будет, монархиня, жизнь твоя столь долгодетна, сколь она, без сравнения, нужна России. Да будет здравие твое столь невредимо, сколь одолжения твои вселенной велики. – Яко же роса аермонская нисходит на горы Сионские, тако да снидет на ты с небес благословение. Жив Господь Вседержитель и кто на ны? Живы Екатерина самодержица и Павел всероссийский наследник. Привергающиеся же к

стопам их, во веки не погибнут».

Господин Дергун угощал во своем доме архиереев обеденным и ужиным столом, а г. Козельский компанировал, яко человек корпусо-кадетский. Тут же был и Малороссийской коллегии прокурор Семенов, человек богатой, пузатой, скупой и неучоной. Говорили, что он хорошо знает свою должность; а что он ел и пил хорошо, о том не нужно было и спрашивать. При окончании ужиного стола, шепнул я преосвященному, что у нас есть нашей работы связка разных горючих малых фейерверочных штучек. Архиерей дал мне сигнал открыть канонаду в горнице. Неожиданный треск, хлопотня, розданные людям колеса, все это вдруг загорелось, зашумело и не меньше надымил. Дамы, сидевшие за столом повскакивали с мест, а брошенные по полу огни тем более за ними от волнения воздуха гонялись, чем более они убежали. Мой архиерей, зажегши сам на свече фонтан, бросил на Петропавловского архиерея, и трафил ему в самую бороду. Борода сильно засвирщела, и бросилась к бегающим, смеющимся, кричащим, ахающим чепчикам и токам, и вмешавшись между ими, составила странную труппу.

По сгорении фейерверка, нашли прокурора Семенова в жалком положении, на которого во время происходивших шалостей никто не имел внимания. Он просил, Бога ради, милости, воды и кто чем может ему помочь, ибо он имея наклонную к апоплексии природу, едва от порохового дыма не задохся, а причиною сему больше то, что он и по натуре не мог терпеть порохового запаха, почему и выскочить был не в силах из покоев. Опамятовавшись, он напомнил, по должности, что таковые шутки противны законам, поелику они могут быть смертоносны; а архиерей мой отвечал, что блюстителю законов не было лучшего времени умереть как в этом доме, потому что погребли бы его два архиерея, которые оба под судом» [6, 114-120].

2 лютого 1775 р. Анатолій Мелес помер у Петропавлівському монастирі. Гавриїл Добринін з цього приводу наводить не дуже толерантні слова севського єпископа Кирила: «Дурак был покойник! С его ли умом переливать колокола в можжиры?» [6, 121]. Враження про Анатолія Мелеса занотував у своєму щоденнику і чернігівський єпископ: «Залишений на свою волю, він здичавів, ходив роздягнений, босоніж, пив, демонстрував своє самодурство щодо ченців... Одного разу... зняв кілька дзвонів, переплавив їх на гармати й, уявляючи себе флотоводцем, бавився безперервною стріляниною, урізноманітнюючи її церковним дзвоном...» [7, 120-121].

Насамкінець нам залишається лише констатувати, що у спогадах Гавриїла Добриніна Анатолій Мелес дійсно постає як колоритна і неординарна постать вітчизняної історії, а конкретні

епізоди з його життя і діяльності, пов'язані з Глухівським Петропавлівським монастирем, безумовно зацікавлять дослідників і шанувальників минувшини рідної землі.

Посилання

1. Субботин Н. История Белокриницкой иерархии. Т.1. – М., 1874. – XIV, 516, IV. – 144 с.
2. Яворницький Д.І. Історія запорізьких козаків. Т.1. – Львів, 1990. – 320 с.
3. Левицький О. Церковна справа на Запоріжжі у XVIII ст. // Записки Українського наукового товариства в Києві. – 1912. – Т. X. – С. 49-76.
4. Лыман И. Церковный устрій Запорожских вольностей (1734-1773). – Запоріжжя, 1998. – 180 с.; Лыман И.И. Анатолий Мелес и попытка казаков учредить на Запорожье собственную архиерейскую кафедру // Заповідна Хортиця. Матеріали IV міжнародної науково-практичної конференції «Історія запорізького козацтва: в пам'ятках та музейній практиці». – Запоріжжя, 2010. – С. 115-117.
5. Сухих Л.А. Анатолий Мелес. Прагнення Запорозької Січі до церковної автономії // Наукові праці історичного факультету ЗДУ. Вип. VIII. – Запоріжжя, 1999. – С. 273-276.
6. Добрынин Г. Истинное повествование или жизнь Гавриила Добрынина, им самим писанная в Могилеве и Витебске. 1752 – 1823. – СПб., 1872. – 480 с.
7. Цит. за: Ткаченко В. Православна Глухівщина. – Глухів, 2006. – 192 с.

Тупик С.В., Чурочкин А.А. Анатолій Мелес в воспоминаниях Гавриила Добрынина

Вниманию читателя предлагается малоизвестный источник – воспоминания Гавриила Добрынина (келейника севского епископа Кирилла Флоринского) об архимандрите Глуховского Петропавловского монастыря Анатолие Мелесе.

Ключевые слова: Анатолій Мелес, Гавриїл Добрынин, Кирилл Флоринский, Глуховский Петропавловский монастырь.

Tupyk S.V., Churochkin O.A. Anatolii Meles in the memoirs of Havryil Dobrynin

Readers are invited to a little-known source – the memoirs of Havryil Dobrynin (lay-brother of Kyryll Florinskyi – Sevsky Bishop) about Anatolii Meles – Archimandrit of Hlukhiv – Petropavlivsk Monastery.

Key words: Anatolii Meles, Havryil Dobrynin, Kyryll Florinskyi, Hlukhiv – Petropavlivsk Monastery

15.03.2013 р.